

А. С. ПУШКИН И А. М. ХУДОБАШЕВ

ДЖ. С. ФАНЬЯН (Кишинев)

Среди лиц из ближайшего окружения великого русского поэта А. С. Пушкина в годы пребывания его в бессарабской ссылке (1820—1823 гг.) одно из первых мест занимал Артем Макарович Худобашев. Об этом убедительно свидетельствует прежде всего письмо самого Александра Сергеевича из Москвы от 26 декабря 1830 г.¹ своему кишиневскому другу Н. С. Алексееву, служившему тогда в Бухаресте. «Пиши мне, мой милый,—просил в этом письме Пушкин,—о тех местах... которые сделались уже милы моему воображению—о берегах Быка², о Кишиневе, о красавицах вероятно состарившихся ...о Стамо, о Худобашеве (курсив наш,—Дж. Ф.), об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщинах и мужчинах, живых и мертвых»³.

Пушкин ставит Худобашева в один ряд с наиболее близкими своему воспоминанию именитыми кишиневскими знакомыми—Стамо, Инзовым и Липранди, причем называет его вторым. Примечателен и тот факт, что Алексеев, хорошо зная о дружеских привязанностях Пушкина к Худобашеву, не оставляет без внимания его просьбу. Сообщая ему обо всем происшедшем в Бессарабии после его отъезда из Кишинева, он в письме от 14 января 1831 г. из Бухареста пишет в шутливом тоне: «Худобашев в отставке и живет в Кишиневе для украшения города»⁴.

Сошлемся еще на одно свидетельство, а именно на воспоминания упомянутого выше Липранди. «Пушкин с ним (Худобашевым—Дж. Ф.) встречался во всех обществах,—писал Липранди,—и не иначе говорил с ним, как по-французски. Худобашев был его коньком; Александр Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним и говорил, что когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу»⁵.

Кто же такой был Худобашев, каким образом он стал близким знакомым молодого Пушкина по Кишиневу, и в чем заключалась их дружба?

Некоторый свет на эти вопросы проливает одна весьма интересная публикация И. И. Халиплы⁶. Весной 1901 г., пишет автор публикации, у

¹ Здесь и дальше даты указываются по старому стилю.

² Бык—речка, протекающая по Кишиневу.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 14, М., 1941, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 145.

⁵ «Пушкин в воспоминаниях современников», т. 1, М., 1974, стр. 288.

⁶ И. И. Халипла—правитель дел Бессарабской губернской ученой архивной

проживающего в Кишиневе армянского архиепископа Нерсеса гостил бывший ректор Эчмнадзинской духовной академии Карпет Иосифович Костанянц. Узнав об этом и познакомившись с ним, Халиппа предложил вниманию «ученого ориенталиста пачку армянских рукописных листов, хранящихся без описи среди других разрозненных бумаг в канцелярии Архива бессарабского губернского правления». Костанянц живо отозвался на просьбу ученого-историка и помог ему ознакомиться с содержанием указанных документов. Оказалось, что «это—жалкие по своей малочисленности остатки переписки», которую вели в 1814—1830 гг. видные представители армянских культурных центров с братьями Артемом и Григором Худобашевыми.

Халиппа дает краткую биографическую справку о братьях Худобашевых. Коллежский советник Артем Макарович Худобашев, бывший одесский почтмейстер, был переведен из Одессы в Кишинев, где служил в Бессарабской областной конторе попечительного комитета по делам иностранных поселенцев южного края России, возглавляемого генерал-лейтенантом И. Н. Инзовым. А в воспоминаниях Липранди сказано, что при Пушкине в Кишиневе жил «армянин, коллежский советник Артемий Макарович Худобашев, бывший до этого одесским почтмейстером»⁷.

Брат Артема, Александр Макарович Худобашев жил с родителями в Петербурге, служил в Министерстве иностранных дел, участвовал в Российско-императорском посольстве в Персию в 1817—1818 гг., впоследствии стал видным ученым, издал ряд трудов по востоковедению, и в частности, по истории и культуре Армении. Некоторые из его трудов вышли в свет на русском языке⁸.

Другой брат Артема, Григор (Григорий) Макарович Худобашев в десятих—тридцатых годах XIX в. жил в Григориополе, занимая должности главы армянской общины и ктитора армянского викариального дома. Он поддерживал тесные связи с духовными центрами Армении, проявлял большую заботу о церковных делах, что многократно было отмечено специальными грамотами (кондаками) патриархов Эчмядзина, Иерусалима, Константинополя.

Публикация Халиппы содержит краткое описание 60-ти документов. Особенную ценность представляет описание более чем двадцати писем Нерсеса Аштаракци, находившегося в близких отношениях с семейством Худобашевых. Так, к приписке к письму Александра Худобашева из Тифлиса от 18 марта 1817 г. (об этом письме речь пойдет ниже) Нерсес по-дружески упрекает Артема за то, что он редко ему пишет, шлет

комиссии. Названную его публикацию см. в т. 3 трудов этой комиссии (Кишинев, 1907, стр. 429—441).

⁷ «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. I, стр. 288.

⁸ Можно назвать такие, например, работы Александра Худобашева, как «Армяно-русский словарь...», 2 ч. М., 1838; «Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию», СПб., 1857; «Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях», СПб., 1859.

поклон матери Худобашевых Анне Самуиловне. В письме от 16 июля того же года он выражает соболезнование по поводу кончины отца Худобашевых, сообщает о здоровье и научных работах Александра Худобашева, который писал ему из Персии, о своей деятельности в Тифлисе.

В письме, датированном 5 октября 1817 г., Нерсес Аштаракецци извещает Артема Худобашева о том, что ожидает возвращения его брата Александра из Тегерана, а в следующем письме (от 9 ноября) сообщает, что Александр вместе со своими сослуживцами—генералом Негриным, А. Е. Соколовым и др. из Персии прибыл в Тифлис, откуда держит путь в Петербург через Елисаветполь, Иуху, Шемаху и Дербент.

Последующая переписка Нерсеса Аштаракецци с Артемом и Григором Худобашевыми относится к 1828—1830 гг. В одном из последних своих писем из Тифлиса (от 16 июля 1828 г.) Нерсес писал Григору Худобашеву: «Хотя я не знаком с Вами лично, однако знаю братьев Ваших—Артема и Александра», и далее обязывает его к приезду своему в Кишинев⁹ «по высочайшему назначению» представить отчет по должности ктитора армянского викарнального дома в Григориополе. Уже будучи в Кишиневе, он в одном из писем (от 23 октября 1828 г.) благодарит братьев Худобашевых за «человеколюбивый прием», оказанный ему при их содействии в Кишиневе армянами Бессарабии.

Наконец, представляет интерес еще одно письмо Нерсеса Аштаракецци. 25 мая 1829 г. он в дружеском тоне благодарит Григора «за радение о церковных делах Григориополя» и, как бы между прочим, доверительно пишет, что Христофор Якимович Лазарев сообщил ему, что «представлялся его величеству государю и брату его, великому князю» и что «его величество изволили приказать вызвать Нерсеса в С. Петербург; в ожидании указа он собирается в путь»¹⁰.

Из остальных документов, описанных в публикации «Трудов бессарабской губернской ученой архивной комиссии», небезынтересно отметить письмо профессора-ориенталиста Якова Шаген-Чербстяна¹¹ из Парижа на имя Артема Худобашева от 17 сентября 1817 г., в котором ученый просит Артема передать брату Александру, находившемуся в Персии, благодарность за сделанный им русский перевод его сочинения. Из письма константинопольского патриарха Павла от 29 декабря 1817 г. мы узнаем, что Артем Худобашев был в близком знакомстве с С. И. Лорис-Меликовым и его сыном Монсеем Сергеевичем.

Как указано выше, единственный документ, опубликованный полностью в оригинале,—это письмо Александра Худобашева из Тифлиса от 18 марта 1817 г. В нем содержится ряд ценных биографических сведений о Худобашевых. Из письма видно, что Александр живет с отцом и матерью в Петербурге и служит в Министерстве иностранных дел; сле-

⁹ Нерсес Аштаракецци был назначен епархиальным начальником армян Бессарабии после смерти архиепископа Григора Захаряна.

¹⁰ Отъезд Нерсеса в Петербург не состоялся.

¹¹ Впоследствии ректор армянской семинарии им. Нерсеса Аштаракецци в Тифлисе.

дует в составе Российско-императорского посольства из Петербурга в Тегеран; по пути, в Туле с ним встречался местный прокурор, сообщивший ему о переводе Артема Худобашева из Одессы в Петербург; в пути получил письмо от Ивана Акимовича Лазарева, из которого видно, что Артем еще не прибыл в Петербург; в Тифлисе к нему приехал Нерсес Аштаракец, с которым он имел долгую беседу. Александр пишет, что «желал бы весьма», чтобы не только Артем, но и «брат Григорий Макарович решился переселиться в общую нашу родину—Петербург», ибо «я видел теперь сам, что нет лучшей жизни, как в Петербурге, лишь только нужно по одежке протягивать ножки».

Из этого документа видно, что Худобашевы были людьми скромного материального достатка. В письмах Артема к Александру от 30 июля и 9 сентября 1816 г., на которые последний ссылается, автор их сетовал на свои материальные затруднения. Ты пишешь, с упреком замечает Александр, что тебе трудно прожить, имея годовое жалованье в тысячу рублей, а как же я жил на жалованье в 500 руб. в год, содержа при этом и дом наш? Александр давал знать брату, что по возвращении в Петербург поможет ему устроить сносную жизнь. Однако желанию их не суждено было осуществиться: попав в немилость, Артем Худобашев вместо Петербурга был неофициально выслан из Одессы в захолустный, еще не благоустроенный в те времена городок Кишинев.

Когда Артем Худобашев прибыл в Кишинев? Ответ на этот вопрос мы находим в письме его брата Александра, согласно которому уже в начале осени 1816 г. Артем должен был покинуть Одессу. Его ожидали дома в Петербурге в конце того же года. Следовательно, его переезд в Кишинев мог состояться в октябре-декабре 1816 г. или в крайнем случае в самом начале 1817 г.

Приведенные данные далеко не исчерпывают довольно обширную по содержанию и ценную по исторической значимости публикацию Халиппы, заслуживающую специального рассмотрения. Мы остановились лишь на тех сторонах содержащихся в ней вопросов, которые характеризуют Артема Худобашева как человека, стоявшего на уровне просвещенных людей своего времени, имевшего широкие деловые и дружеские связи с важнейшими центрами армянской политической жизни и культуры, со многими видными их представителями. Он прибыл в Кишинев в тот период, когда над консолидирующейся армянской общиной Бессарабии и всего придунайского края еще возвышалась фигура Манук-бея Мирзаяна¹², а в центре ее стоял большой патриот и видный деятель армянского освободительного движения архиепископ Григор Захарян¹³.

Представляется бесспорным, что Артем Худобашев еще до своего переезда в Кишинев был близко знаком с архиепископом Григором Захаряном—спархнальным начальником армян Бессарабии и фактическим

¹² Манук-бей Мирзаян умер 21 июня 1817 г.

¹³ О Григоре Захаряне см. «Историко-филологический журнал», 1976, № 3, стр. 184—198.

духовным предводителем армянского населения всего Новороссийского края, а также Молдавии и Валахии. На личное знакомство его с Манук-беем указывают лишь косвенные обстоятельства. Во-первых, у семьи Манук-бея и у Худобашевых были такие именитые общие знакомые, как Лазаревы, и это не могло не послужить поводом для их сближения. Во-вторых, на вероятную близость Худобашева к семье Манук-бея указывает и Липранди, писавший, что он «тщеславился» знакомством с зятем Манук-бея, знатным армянином из Баварии Якобом Меликтурабяном¹⁴.

Прибыв в Кишинев, Худобашев, имевший до этого связи с армянами Бессарабии, несомненно, быстро освоился в армянской общине, жившей по исконно сложившейся национальной традиции тесным кругом, вошел в личные контакты с архиепископом Григором, Манук-беем и другими влиятельными армянами Кишинева. Это тем более вероятно, что его служебная деятельность как чиновника областной конторы попечительного комитета по делам иностранных поселенцев прямо затрагивала интересы армян, переселившихся в Бессарабию из-за Прута и Дуная.

О довольно быстром преуспевании Худобашева в Кишиневе, приобретении им здесь широкой популярности и авторитета могут свидетельствовать такие факты. Уже в 1822 г. на собрании в Кишиневской митрополии Артем Макарович был избран в состав председателей комитета бессарабского отделения Российского библейского общества¹⁵, которое, несмотря на свою реакционную религиозно-мистическую сущность, сыграло определенную роль в развитии просветительского дела, а также в организации поддержки антитурецкого освободительного движения в крае. В 1827 г. по воле эчмиадзинского патриарха Ефрема Артем Худобашев был назначен поверенным попечителем по делу о наследстве умершего архиепископа Григора Захаряна и собственности армянской епархии в Бессарабии¹⁶.

Одним из первых кишиневских знакомых Худобашева был упомянутый в приведенном выше письме Пушкина надворный советник Стамо. В период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Апостолаки Стамо неофициально состоял на русской военно-дипломатической службе в княжествах Молдавии и Валахии и работал под непосредственным руководством Манук-бея, возглавлявшего фактически всю тайную агентурную сеть России в европейских владениях Порты. После заключения Бухарестского мира 1812 г. он перебрался в Россию и получил чин над-

¹⁴ «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 1, стр. 288. Якоб Меликтурабян (он же Яков Аветисян) в начале 1820 г. женился на дочери Манук-бея Тембе, в 1820—1822 гг. управлял делами дома Манук-бея. В 1829 г. переехал в Петербург, где занимал должность советника при царском дворе. В 1830—1838 гг. опекуны семьи Манук-бея возбудили судебный иск по поводу присвоения им сумм в бытность управляющим имениями Манук-бея, но дело было решено в его пользу; см. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 157.

¹⁵ «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 1, стр. 372.

¹⁶ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 372, стр. 18.

ворного советника, именуясь теперь на русский лад—Апостолом Константиновичем Стамо.

Граф И. А. Каподистрия¹⁷ в письме полномочному наместнику Бессарабской области генералу Бахметеву от 30 июня 1816 г., уведомляя его о возложении царским правительством на Манук-бея важной разведывательно-дипломатической миссии по делам Востока и Балкан, сообщал, что в качестве сотрудника Манук-бея «отряжен в Бессарабию ведомства коллегии иностранных дел надворный советник Стамо с тем, чтобы он, занимаясь должностью при действительном статском советнике Манук-бее, употребляем был и вами... для изустных переводов с турецкого языка»¹⁸.

Будучи сотрудником Манук-бея, Апостол Константинович познакомился с семьей крупного бессарабского помещика, боярина Захария (Земфира, Земфираки) Ралли и, женившись на его дочери Екатерине Захаровне, обосновался в Кишиневе. В годы пребывания Пушкина в Бессарабии Стамо занимал должность советника областного суда. Современники характеризовали его как человека очень образованного¹⁹.

Отметим, что знакомству Худобашева со Стамо (состоявшемуся благодаря близости Артема Макаровича к семье Манук-бея) суждено было сыграть значительную роль в бессарабской жизни А. С. Пушкина. Оно послужило первым мостиком для его сближения с семьей Стамо, а через посредство последнего—и с семейством боярина Захария Ралли. По свидетельству Липранди, Пушкин часто посещал эти семьи²⁰. Пушкин подружился также с братом жены Стамо Константином Захаровичем Ралли. Именно с его именем связана поездка поэта в имение Ралли—село Долна²¹, и романтическая история посещения им во время этой поездки цыганского табора, под впечатлением которого он впоследствии написал поэму «Цыганы».

Обстоятельства сложились так, что Худобашев оказался одним из первых сослуживцев А. С. Пушкина в Кишиневе по ведомству генерала Инзова, одновременно замещавшего в 1820—1823 гг. должность полномочного наместника Бессарабской области. Царское правительство, ссылая Пушкина на юг, выдало ему подорожную, помеченную 5 мая 1820 г., в которой говорится: «ведомства государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по

¹⁷ В 1816—1822 гг. он возглавлял Коллегию иностранных дел и выполнял роль связующего звена между царем и его наместником в Бессарабии. В 1823 г. управление Бессарабской областью перешло в ведение министра внутренних дел и было подчинено новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову.

¹⁸ Республ. историко-краеведческий музей МССР, отд. фондов, инв. № 2101 АД 100/3—16.

¹⁹ «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 1, стр. 290.

²⁰ Там же, стр. 289—290.

²¹ Теперь село Пушкино Ниспоренского р-на Молдавской ССР, где открыт филиал Кишиневского дома-музея А. С. Пушкина.

надобностям службы к главному попечителю колонистов южного края России господину генерал-лейтенанту Инзову»²².

Таким образом, первым звеном в довольно длинной цепи знакомств Пушкина в Кишиневе²³, вероятно, были Алексеев, Худобашев²⁴ и другие чиновники областной попечительной конторы. Для сближения и дальнейшей дружбы Пушкина и Худобашева немаловажное значение имело и то, что у них имелись общие знакомые в Петербурге. Известно, например, что Александр Сергеевич еще в годы учебы в Царскосельском лицее был знаком с семьей офицера русской армии, героя Отечественной войны 1812 г. Давида Семеновича Абамелека²⁵, а затем и с Лазаревыми²⁶, с которыми, как отмечалось выше, были тесно связаны Худобашевы, Манук-бей, архиепископ Григор Захарян и ряд других представителей армянской общины Бессарабии.

Ко времени приезда Пушкина в Кишинев у Худобашева уже установились широкие связи с чиновничеством, с деловыми и общественными кругами области. Он был хорошо информирован о важнейших событиях и политических настроениях в крае, что делало его общество особенно привлекательным для любознательного молодого поэта. А обстановка здесь характеризовалась начавшимся подъемом общественно-политической жизни, все более решительно втягивавшей в свою орбиту свободомыслящих людей. В Бессарабии и во всем Новороссийском крае распространялись демократические идеи декабристов, открыто развевалась антитурецкая деятельность греческих патриотов и представителей других поработенных Османской Турцией народов, консолидировались и готовились силы для свержения тиранического господства янычар в Молдавии, Валахии, в странах Балканского полуострова.

В водовороте политических событий в крае известное место занимали и армяне, горячо поддерживавшие все патриотические силы в их борьбе за освобождение своих народов от ненавистного турецкого ига. Это и делало армянскую общину Кишинева и в целом Бессарабии одним из притягательных центров для доверительных встреч и откровенных бесед.

По прибытии в Кишинев А. С. Пушкин некоторое время—до переезда в дом генерала Инзова—жил в заезжем доме местного богача П. Н. Наумова (теперь здесь помещается Дом-музей гениального поэта). Напротив, через улицу, находился трактир, принадлежавший армянину по

²² Цит. по: Б. Трубецкой, А. С. Пушкин в Молдавии, изд. 4, Кишинев, 1976, стр. 32.

²³ По подсчетам молдавских пушкинovedов, круг знакомых А. С. Пушкина в Кишиневе насчитывал более 200 лиц (см. Б. Трубецкой, указ. соч., стр. 52).

²⁴ М. Цявловский относит начало знакомства Пушкина и Худобашева к 25 сентября 1820 г., т. е. к четвертому дню после приезда поэта в Кишинев; см. его «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», т. 1, М., 1951, стр. 252.

²⁵ Л. Черейский, Воспелая Пушкиным, «Работница», 1967, № 12, стр. 26.

²⁶ Л. Черейский, Пушкин и его окружение, Л., 1975. Х. Я. Лазарев, женатый на дочери Манук-бея Екатерине, был одним из главных опекунов его наследников.

имени Антон, куда часто ходил Александр Сергеевич, обычно в сопровождении Худобашева. В трактире бывали многие местные и приезжие армяне, которым Артем Макарович не без гордости представлял своего молодого, но уже знаменитого друга.

Надо сказать, что несмотря на значительную разницу в годах²⁷, между Пушкиным и Худобашевым с самого начала их знакомства установились откровенно-доверительные и панибратские взаимоотношения. Как утверждают современники, Артем Макарович был «страстный охотник шутить», состязаться в остроловии и вместе с тем оказывать любезность²⁸. Эти качества импонировали Пушкину, который отвечал ему тем же шутливо-шаловливым отношением.

Характерен в этом отношении такой курьезный случай. Вскоре после приезда Пушкина в Кишинев—в начале ноября 1820 г., появилось одно из первых созданных в Бессарабии его творений, использующее сюжет молдавской народной песни,—стихотворение «Черная шаль». Герой произведения, застав страстно любимую им девушку-гречанку в объятиях любовника-армянина, убивает в ярости изменницу и коварного соперника. И первым человеком, которому поэт, вероятно преднамеренно, прочел свое новое творение, был Худобашев. При этом Пушкин подтрунивал над ним, намекая на то, что это он, Худобашев, является его соперником,

Липранди посвящает этой шутке следующие строки: «Худобашев в «Черной шали» Пушкина принял на свой счет «армянина». Шутники подтвердили это, и он давал понять, что он действительно кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева (что случалось очень часто), начинал читать «Черную шаль». Споры и недовольствие между ними обыкновенно заканчивались тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: «не отбивай у меня гречанок!». Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником»²⁹.

Можно привести еще один пример. Худобашев, говоря по-французски, некоторые слова произносил неправильно. В частности, заводя разговор о своем баварском земляке, зяте Манук-бея Якобе Меликтурабяне, он слово «Бавария» произносил по-русски. Подтрунивая над этим, Александр Сергеевич с деланой серьезностью замечал: «русский не иначе должен говорить потому, что королевство это по-русски называется не Бавиерия, а Бавария»³⁰.

Со своей стороны и Артем Макарович не упускал случая, чтобы не подшутить над Пушкиным или поддразнить его. Например, он часто с

²⁷ А. М. Худобашев родился в 1770 г., следовательно, был старше Пушкина на 29 лет.

²⁸ «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 1, стр. 288.

²⁹ Там же, стр. 289.

³⁰ Там же, стр. 288.

важным видом говорил своему другу: «что за важность быть поэтом, мой брат Александр Макарыч тоже автор»³¹.

Все это, разумеется, лишь внешние проявления искренней по своему содержанию дружбы между Пушкиным и Худобашевым, подчеркивающие ее задушевный, интимный характер. Гениального поэта привлекали главным образом начитанность и информированность Артема Макаровича, его остроумие и общительность, свобододолюбиво-демократические настроения, откровенность и непосредственность в суждениях. Нетрудно убедиться в этом, рассмотрев кишиневский круг знакомств поэта, его отношение к различным слоям местного общества.

Общезвестно, что А. С. Пушкин ненавидел и презирал бессарабских бояр-помещиков так же, как и российских дворян-аристократов и самодержавие в целом. Он называл этих охранителей царизма и крепостничества «трусами», «грубиянами», «подлецами». Наиболее чванливые из местных бояр открыто возмущались презрительным отношением к ним со стороны поэта и часто жаловались на него генералу Инзову. Такое же презрительное отношение он проявлял к реакционному духовенству, а предводителя его, митрополита Гавриила Бонулеску называл «седым обжорой» (в стихотворении «В. Л. Давыдову»).

Конечно, среди кишиневских знакомых Пушкина были и такие лица, с которыми он встречался по долгу службы и в местном светском обществе. Завязывал же он знакомства прежде всего и главным образом среди наиболее передовых и истинно культурных людей. «Пушкин предпочитал всему беседу с людьми, его понимающими»,—свидетельствует Липранди³². Это были декабристы, члены масонской ложи, в которой состоял и сам поэт, представители передовых кругов молдавского общества, деятели национально-освободительного движения народов Балканских стран. Пушкин, не входя формально в организацию декабристов, всем своим пылким сердцем сочувствовал их программе, гениально выражал их думы и чаяния. Многие из них—М. Ф. Орлов, В. Ф. Раевский, К. А. Охотников, П. С. Пущин, И. П. Пестель, В. Л. Давыдов, А. П. Юшневский и др.—были его друзьями.

Близкими знакомыми Пушкина были И. П. Липранди, рядившийся в тогу единомышленника декабристов, прогрессивно мыслящие люди из числа военных и чиновников—Н. С. и А. П. Алексеевы, В. П. Горчаков, П. И. Долгоруков, А. Ф. Вельтман, Ф. Ф. Вигель, И. М. Дуганов, В. Ф. Калакуцкий, А. П. и М. А. Полторацкие, В. Т. Кек, К. К. Данзас и многие другие.

Пушкин встречался с руководителем греческого освободительного движения генералом А. Н. Ипсиланти и его ближайшим окружением в Кишиневе, часто посещал дом одного из его соратников—Г. М. Кантакузина. Он с уважением относился к своему покровителю и начальнику генералу И. Н. Инзову, правителю канцелярии попечительной конторы

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 293.

А. А. Манделю, профессору А. И. Стройковичу, доктору права П. В. Маняге, приблизил к себе молдавских писателей К. Стамати и К. Негруци, общался со многими другими представителями прогрессивных кругов местного общества.

Среди чиновничьего мира Кишинева были и армяне. Это прежде всего племянники архиепископа Григора братья Захарьяновы — дворянин Андрей, титулярный советник Давид, губернский регистратор Авгар. В Кишиневе часто бывал, а в 1820 г. переехал сюда из Ганчешт надворный советник Асвадур Аветов, муж племянницы Манук-бея и управляющий его имениями. Аветов имел обширные имения в селах Баймаклия и Тараклия Кагульского уезда Бессарабии, был одной из самых влиятельных фигур среди армян края, первым доверенным лицом архиепископа Григора и его преемника Нерсеса Аштаракецци, назначившего этого незаурядного организатора-хозяйственника управляющим всеми имениями вверенной ему Нахичевано-Бессарабской епархии.

В круг видных представителей армянской общины Кишинева в годы пребывания здесь Пушкина входили архимандрит Кеворк Тер-Мкртичян, купцы Петрос Аракелов, Арутюн Мкртичян, отставной майор русской армии Петр Делянов и многие другие лица из среды мелкопоместного, торгово-купеческого и мастерового люда. Как свидетельствуют литературные источники, в те времена по приглашению вдовы Манук-бея приезжал в Кишинев и Ганчешты один из видных деятелей армянского освободительного движения первой четверти XIX в. поэт и педагог Арутюн Аламдарян³³.

С армянской общиной Бессарабии были тесно связаны Христофор Якимович Лазарев, муж дочери Манук-бея Екатерины, и его брат Иван Лазарев, знакомый А. С. Пушкина. Став опекуном своего именитого тестя, Христофор Якимович проявлял особую заботу об армянах местечка Ганчешты — центра имений семьи Манук-бея. Он вел переписку с правителями Бессарабской области, добиваясь освобождения «от повинностей иностранных армянских семейств, жительствующих в местечке Ханчешты»³⁴.

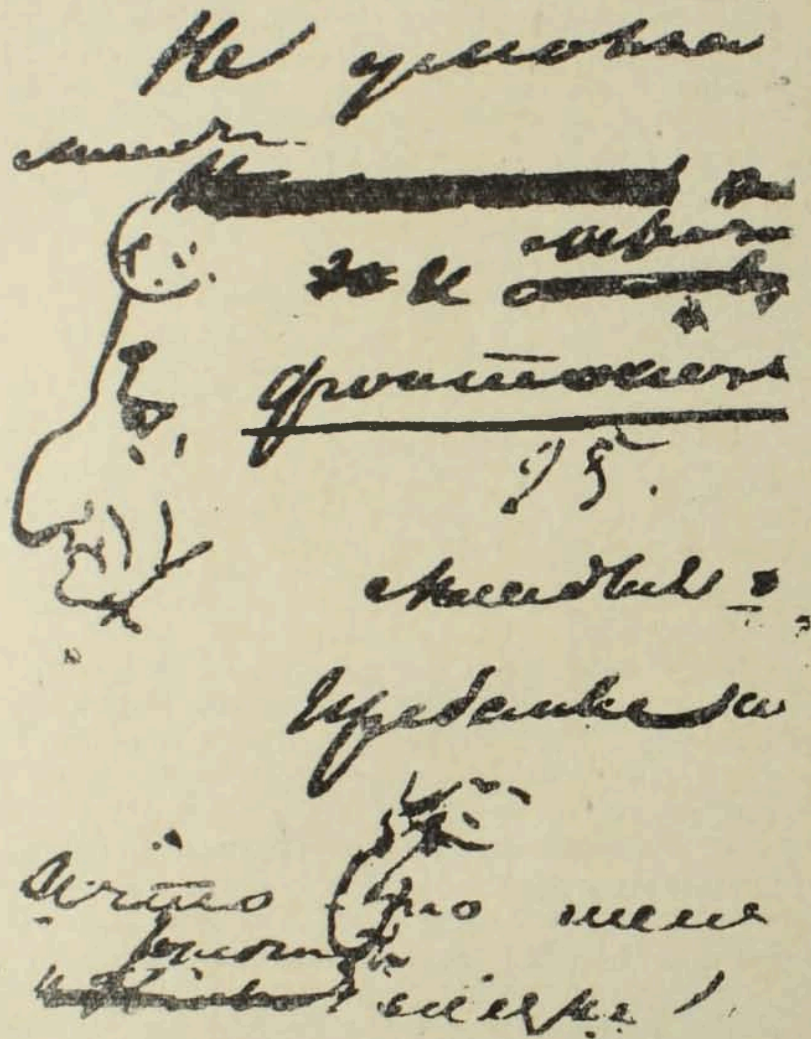
Понятно, что Артем Худобашев постоянно находился в кругу своих земляков, был близок к наиболее просвещенным и авторитетным их представителям. Вполне вероятно, что с некоторыми из них Худобашев познакомил и Пушкина, бывавшего с ним «во всех обществах». Такое предположение не лишено основания и потому, что поэт, как свидетельствует его дневниковая запись от 18 июля 1821 г., бывал на балах в Кишиневском армянском архиерейском доме, даваемых его хлебосольным хозяином — Григором Захаряном³⁵.

³³ G. Bezziconi, *Manuc-Bel, Chişinău*, 1938, стр. 47.

³⁴ Республ. историко-краеведческий музей МССР, отд. фондов, инв. № 2401 АД 100/3—22.

³⁵ М. Цявловский, указ. соч., стр. 307.

Именно общению А. С. Пушкина с просвещенными кругами армянской бессарабской общины история обязана появлением его поэмы «Гавриилиада», созданной по мотивам «армянского преданья» о деве Марии и архангеле Гаврииле. Автор фундаментальных исследований о бессарабском периоде жизни Пушкина Б. А. Трубецкой по этому поводу за-

мечает следующее. Покровитель и начальник Пушкина в Бессарабии генерал Инзов заставлял поэта посещать Благовещенскую церковь, расположенную неподалеку от губернаторского дома, где он жил. «Не правомерно ли будет считать, что именно Благовещенская церковь подсказала Пушкину тему «Гавриилиады» — тему «благовещения», тему церковного мифа о «непорочном зачатии» девы Марии, о чем затем дополнительно узнал поэт из библейской литературы, *армянских преданий, услышанных из уст кишиневских армян?*»³⁶ (курсив наш — Дж. Ф.).

³⁶ Б. Трубецкой, указ. соч., стр. 277.

Мы не беремся доказывать недоказуемое—кто из кишиневских армян сообщил Пушкину это предание. Некоторые армянские пушкиноведы утверждают, что сделать это мог только архиепископ Григор Захарян³⁷. Но с той же вероятностью можно было бы назвать и архимандрита Кеворка, также знакомого с поэтом и вместе с ним бывавшего на балах в армянском архиерейском доме. Однако представляется маловероятным, чтобы духовные пастыри армян Бессарабии могли сделать предмет светского разговора столь острый сюжет. Подобный факт тем более не должен был иметь места, что ни Григор, ни его ближайший сотрудник по церковным делам Кеворк не входили в круг наиболее близких знакомых Пушкина.

Наверное, правдоподобнее предположить, что поэт услышал этот апокриф от острослова и шутника Артема Худобашева, который воспринимал как должное вольнолюбивые демократические взгляды Пушкина, с полным пониманием и сочувствием относился к независимому, бунтарскому настрою его пылкого характера. Для подтверждения сказанного можно привести такой пример.

Достоянием истории стал тот неоспоримый факт, что генерал Инзов покровительствовал Пушкину, относился к нему с исключительной терпеливостью и отцовской сердечностью. Рискуя своим служебным и общественным положением, он скрывал от высших властей антиправительственные его выпады, бунтарские выходки в адрес местного боярства и духовенства. На запросы из Петербурга о поведении Пушкина полномочный наместник отвечал, что поэт, живя с ним в одном доме, «ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах»³⁸.

Однако один скандальный случай, ставший известным широкому кругу должностных лиц областной администрации, Инзов скрыть не мог. Однажды в доме боярина Балша Теодорашку жена его назвала Пушкина трусом за то, что несколькими днями ранее поединок между ним и шефом 31-го егерского полка Старовым не был допущен друзьями обеих сторон. Пушкин вспылил и дал пощечину мужу обидчицы — надменному боярину. За это Инзов вынужден был посадить Пушкина под домашний арест и, выставив у дверей его комнаты вооруженную охрану, запретил ему общаться с кем бы то ни было.

Вопреки этому запрету, 9 марта 1822 г. арестованного Пушкина посетила группа его друзей—писатель П. И. Долгоруков, профессор А. С. Стойкович, А. М. Худобашев и правитель канцелярии попечительной конторы А. А. Мандель. Когда они зашли к Пушкину, писал впоследствии Долгоруков, он «скорыми шагами размеривал свою комнату», а увидев их, «обрадовался», «смеялся беспрестанно и спрашивал, надолго

³⁷ См. С. Гуллакян, «...Говорит армянское преданье», «Литературная Армения», 1974, № 6.

³⁸ См. «Русская старина», 1883, декабрь, стр. 657; 1887, январь, стр. 243.

ли его засадили»³⁹. Таким образом, в неприятные для Пушкина дни домашнего ареста в числе тех немногих, кто, рискуя быть наказанным, пришел его навестить и подбодрить, был Артем Худобашев.

Пылкие отклики Пушкина на греческое восстание, как и на освободительную борьбу других народов, отражали мысли и настроения его друзей и единомышленников, в том числе Артема Худобашева. Будучи одним из председателей комитета бессарабского отделения Всероссийского библейского общества и чиновником областной конторы попечительного комитета по делам иностранных поселенцев, он приложил много усилий для поддержки этого восстания, организации помощи греческим беженцам-патриотам, спасавшимся в Бессарабии от кровавой расправы со стороны турецких янычар. Вместе с архиепископом Григором Захаряном Худобашев также возглавлял движение солидарности армян с жертвами турецких зверств, а после того как восстание было потоплено в крови, армяне Бессарабии и всего Новороссийского края наравне с другими оказали посильную материальную помощь беженцам-гетеристам⁴⁰.

В июле 1823 г. А. С. Пушкин переехал из Кишинева в Одессу. Он увез с собой и образ А. М. Худобашева, запечатленный им в ряде рисунков⁴¹, один из которых мы здесь воспроизводим. После отъезда из Бессарабии великий поэт сохранил в памяти своего кишиневского друга, интересовался его жизнью и судьбой. Это еще одно свидетельство того, что почти трехлетнее общение и дружба Пушкина и Худобашева были основаны на взаимной симпатии, душевной близости и, в определенной степени, на общности миропонимания.

Ա. Ս. ՊՈՒՇԿԻՆԸ ԵՎ Ա. Մ. ԽՈՒԴԱՅԵՎԱՆԸ

Ձ. Ս. ՖԱՆՅԱՆ (Քիշինև)

(Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ)

Ռուս մեծ բանաստեղծ Ա. Ս. Պուշկինի բնասրբյան աքսորի տարիներին (1820—1823 թթ.) նրա մտերիմների շարքում է եղել XIX դարի առաջին կեսի Մոլդավիայի հայ գաղութի հասարակական գործիչ Արտեմ Խուդաբաշյանը: Վերջինիս միջոցով Պուշկինը մտերմանում է Մոլդավիայի հայ բնակչության ազդեցիկ շրջաններին և բոլոր կրեք տարիների ընթացքում կապ պահպանում նրանց հետ: Հենց այս տարիներին է բանաստեղծը դրել իր սքանչելի «Գավրիլադա» պոեմը, որտեղ օգտագործված է հայկական մի պարականոնի սլուգան:

³⁹ «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 1, стр. 354—356.

⁴⁰ G. Bezviconi, — «Din trecutul nostru» (Chișinău), 1934, № 3—4.

⁴¹ См. А. Эфрос, Пушкин—портретист, М., 1946.